

ДОКТОРЪ ЭРНЕСТЪ ЮРЬЕВИЧЪ МУКА

Къ исторіи сербо-лужскаго народа.

Исторія жизни великихъ людей тѣсно связана съ исторіей ихъ народовъ. И чѣмъ меньше народъ, тѣмъ выше и славнѣе является значеніе жизни и вліяніе отдѣльныхъ патріотовъ.

Предлагаемая статья ставитъ себѣ задачей біографіей одного выдающагося лужичанина обратить вниманіе братскаго народа на весьма маленькое племя серболужичанъ (вендовъ).

Серболужичане, живущіе въ Лужицѣ (нѣмцами названные Венденъ), 10-го Марта этого года праздновали 60-ти лѣтіе со дня рожденія своего заслуженнаго ученаго и славяновѣда д-ра философіи Эрнеста Мука (Arnošt Muka). Со смертію Смолера и Горника лужичане цѣнятъ и любятъ его, какъ духовнаго руководителя ихъ народа. Нижеслѣдующая его біографія покажетъ, какимъ образомъ Мука своими научными трудами и прочими заслугами завоевалъ себѣ славу среди лужицкаго народа.

Въ одной изъ красивѣйшихъ мѣстностей саксонской Верхней Лужицы у сѣверной стороны лужицкихъ горъ, находящихся между городами Бауценомъ (Budyšin) и Каменцемъ (Kamjenc), расположено мѣстечко по имени Гроссгэнхенъ (Grosshänchen, luziskoserbski: Wulki Wosyk); въ немъ то и родился нашъ юбиляръ. Путешественникъ найдетъ это мѣстечко, если, оставивъ въ сторонѣ большое шоссе изъ Бауцена въ Дрезденъ, недалеко отъ прихода Геда (Göda-Hodźy) вернетъ на югъ къ Таухервальду (Taucherwald, -- Tucher) Онъ увидитъ густо-населенную страну съ лѣсистыми холмами, свѣтлыми ручейками, а въ зажиточныхъ селеніяхъ трудолюбивыхъ жителей. Далеко разносится молва о добродѣтели и мягкосердіи сербовъ Лужицкой земли; всюду ихъ хвалятъ и любятъ.

Въ Гросгенхенѣ находится помѣстье съ домомъ; домъ старинный, съ высѣченнымъ на немъ фамильнымъ гербомъ. До пожара, случившагося не такъ давно, здѣсь сохранялись слѣды стараго монастыря. Въ этомъ то домѣ 10-го Марта 1854 года увидѣлъ свѣтъ Эрнестъ Мука. Отець его Юрій, владѣлецъ помѣстья, собственными силами и трудолюбіемъ поддерживалъ славу своихъ лужицко-сербскихъ предковъ и блескъ родного дома. Мать Эрнеста, рожденная Мѣташь (Métaš), также лужицкаго происхожденія. Она сумѣла воспитать въ своихъ дѣтяхъ глубокую любовь къ добродѣтелямъ, свойственнымъ сербамъ вообще, а именно религіозность, а также привязанность къ обычаямъ предковъ и родному языку. Въ кругу братьевъ и сестеръ подросталъ мальчикъ; скоро выяснилось, что по своимъ душевнымъ наклонностямъ и внѣшности онъ очень походить на мать: умный, быстро понимающій, самостоятельный во всѣхъ отношеніяхъ. Не разъ уже было замѣчено, что дѣти съ большими задатками кажутся тихими и замкнутыми; они какъ бы лишь наполовину принимаютъ участіе въ окружающемъ. И маленькій Эрнестъ рѣдко участвовалъ въ играхъ, которыми развлекались его болѣе оживленные братья и сестры. Зато побуждаемый какимъ-то внутреннимъ стремленіемъ, онъ любилъ бродить въ одиночествѣ по полямъ; во время прогулокъ онъ часто обращалъ взоры къ лужицкимъ горамъ и на востокъ по направленію къ Будышину. Такъ стоялъ онъ нерѣдко часами, до заката солнца; наконецъ, знавшій и любившій мальчика пастухъ выводилъ его изъ мечтаній и приводилъ домой. Мы не можемъ не отмѣтить, что уже будучи взрослымъ, онъ считалъ дѣтство самымъ лучшимъ и свѣтлымъ временемъ своей жизни. Полутьма дома, который былъ въ старые годы монастыремъ, а также одиночество въ лѣсахъ и поляхъ, гдѣ онъ привыкъ бродить, наложили неизгладимый отпечатокъ на дѣтскую душу. И въ послѣдствіи, уже сложившимся человѣкомъ, онъ посвятилъ себя всецѣло преподаванію и научнымъ трудамъ.

Маленькій Эрнестъ получилъ свое первое образованіе въ народной школѣ въ Увздѣ при Тухорѣ (Uhyst Wyjezd), лужицко-сербскомъ протестантскомъ селѣ, живописно расположеннымъ у Таухервальда. Учитель очень скоро отмѣтилъ способности мальчика и убѣдилъ родителей послать его въ среднюю городскую школу. Имѣя въ лицѣ младшаго сына Густава наслѣдника дворянскаго помѣстья, отецъ, не колеблясь, рѣшился предоставить Эрнесту возможность пріобрѣтать знаніе и заняться науками.

Для сербо-лужичанъ Бауценъ (Будышинъ) имѣетъ значеніе города хатъ *εἰσοχή*. Онъ уже давно является средоточіемъ ихъ духовной и

дѣловой жизни: туда отправляетъ лужичанинъ своихъ сыновей для ученія, тамъ собирается лужицкое населеніе для продажи на ярмаркѣ сельскихъ продуктовъ, здѣсь же центръ сербо-лужицкихъ патріотовъ, когда они совѣщаются о нуждахъ родной земли.

Въ Будышинѣ прибылъ и 12-тилѣтній Эрнестъ Мука, чтобы поступить въ гимназію. Здѣсь пришлось ему много бороться съ неблагопріятными обстоятельствами, которыя пришлось преодолевать съ юныхъ уже лѣтъ; въ этомъ надо искать причину того, что при всѣхъ его глубокихъ чувствахъ и легкой возбуждаемости, основными чертами его характера была большая самостоятельность, проницательность и непреодолимая твердость въ познаніи и достиженіи.

Для того, чтобы лучше понять и оцѣнить борьбу за лужицкую національность, необходимо бросить взглядъ на то время, когда пробудилось и образовалось самосознаніе у лужичанъ. Это произошло въ началѣ прошлаго столѣтія. Самымъ раннимъ патріотомъ былъ пасторъ Андрей Лубенскій, пробудившій къ жизни основанный еще въ 1716 г. „Кружокъ лужицкихъ проповѣдниковъ“ (Oberlausitzer Predigerverein).

Андрей Лубенскій (Haudrij Lubjenski) внушалъ своимъ товарищамъ, что лужичане не одиноки на свѣтѣ, что ихъ языкъ ни въ коемъ случаѣ не есть языкъ мужиковъ, а что сербо-лужичане—славяне, и вслѣдствіе этого языкъ ихъ, до сихъ поръ пренебрегаемый, имѣетъ быть улучшенъ и исправленъ. Самъ онъ началъ составлять лужицкую грамматику и преобразовывалъ лужицкій языкъ, переводилъ Библию; кромѣ того онъ издалъ нѣсколько книгъ для народа. Его вѣрнымъ другомъ и помощникомъ былъ Адольфъ Клинь (Adolf Klin). Сдѣлавшись впоследствии вліятельнымъ адвокатомъ, онъ много потрудился на улучшеніе сербо-лужицкаго языка и вообще оказалъ не мало услугъ родному дѣлу.

Въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ университетѣ выдался Андрей Зейлеръ (Haudrij Zejler). Въ журналѣ лужицкихъ студентовъ онъ помѣстилъ свои первыя поэтическія произведенія. Нѣкоторыя изъ его стихотвореній распространились уже тогда среди народа и оказали содѣйствіе тому, чтобы лужичане болѣе цѣнили свой языкъ. Многія пѣсни Зейлера всѣми любимы и поются до нашего времени. Славяне Палацкій, Кухарскій и Милутиновичъ укрѣпили въ молодомъ поэтѣ національное чувство. Зейлеръ сдѣлался писателемъ, стихотворцомъ и вдохновителемъ сербо-лужицкаго народа. Его написанныя на

нѣмецкомъ языкѣ грамматика лужицкаго языка сдѣлалась настольной учебной книгой для новаго поколѣнія, а сборникъ его стиховъ родникомъ любви и преданности къ родной странѣ и народу.

Приблизительно въ то же время въ Бреславлѣ готовился къ дѣятельности знаменитый лужицкій патриотъ Янъ Эрнестъ Смолеръ, также находившійся подъ вліяніемъ чеховъ Пуркина (Purkyně) и Селаковскаго (Šelakovský). Въ 1838 г. онъ основалъ въ этомъ городѣ кружокъ лужицкихъ студентовъ съ сербско-лужицкой секціей.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ лужицкій языкъ подвергся нападенію со стороны нѣмцевъ; по ихъ настоянію его хотѣли изгнать изъ всѣхъ школъ, въ томъ числѣ и сельскихъ, а также и изъ церковнаго богослуженія. Защитникомъ роднаго языка выступилъ упомянутый д-ръ Адольфъ Клинь, выборный отъ города Будишина. По его настоянію въ саксонскомъ ландтагѣ былъ проведенъ § 28 школьнаго устава 1835 г., которымъ гарантировалось лужичанамъ преподаваніе ихъ языка (чтеніе и Законъ Божій), по крайней мѣрѣ въ сельскихъ школахъ. Это было первое значительное завоеваніе, сдѣланное серболужичанами послѣ отмѣны крѣпостнаго права (1820).

Изъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній лужицкій языкъ былъ, конечно, совершенно устраненъ. Поэтому для того, чтобы готовившаяся къ служенію лужицкому народу интеллигентная молодежь имѣла возможность совершенствоваться въ родномъ языкѣ, учащіеся серболужичане образовали цѣлый рядъ кружковъ (cirkel). Кружки эти ставили себѣ задачей частнымъ образомъ изучать лужицкій языкъ, чтобы съ окончаніемъ ученья каждый образованный лужичанинъ владѣлъ имъ въ совершенствѣ. Такимъ образомъ стремленія учениковъ и студентовъ сводились къ тому, чтобы совмѣстной работой въ кружкѣ *наверстать* то, чего не давала школа. Для этой же цѣли великій патриотъ Янъ Эрнестъ Смолеръ собиралъ учениковъ гимназіи въ Будишинѣ и давалъ имъ уроки роднаго языка. Послѣ его перехода въ Бреславль при содѣйствіи А. Мозика фонъ Эренфельда (A. Mosak Kłazorólski) въ 1839 г. былъ образованъ гимназическій кружокъ, носившій названіе: „Societas slavica Budissina.“ Молодое поколѣніе, вдохновленное лучшими идеями, укрѣплялось при этомъ и другими славянскими дѣятелями, какъ Шафарикъ, Колларъ, Доуха, Штуръ, Маціевскій, Зморскій, Гильфердингъ, Срезневскій и др. Вскорѣ соединились въ кружки учащіеся серболужичане въ Лейпцигѣ и Прагѣ (1846 г.): такъ возникли кружки: „Сорабія“ иначе „Sorabicum,“ въ Лейпцигѣ, „Сербовка“

въ Прагѣ, а въ Будышинѣ слушатели протестантской и католической учительской семинаріи образовали кружки „Свобода“ и „Влада“. Члены этихъ кружковъ избирали „старшину“, руководившаго кружкомъ, на немъ же лежала обязанность преподавателя языка. Съ годами дѣятельность кружковъ среди учащейся молодежи все увеличивалась и расширялась; но величайшія заслуги національному серболужицкому студенчеству оказалъ Эрнестъ Мука.

Уже въ Будышинѣ мы видимъ Муку во главѣ кружка: онъ старшина „Societas slavica Budissina.“ Вмѣстѣ со своими товарищами онъ, тогда еще ученикъ старшихъ классовъ, отдавалъ свое свободное время изученію и преподаванію родного языка; этимъ хотѣлъ онъ выказать свою любовь и преданность лужицкой національности. Одаренный юноша, блестяще проходившій свой курсъ, задался еще болѣе благородной и идеальной цѣлью. Онъ желалъ вести впередъ серболужицкую молодежь, чтобы изъ нея выработалось новое поколѣніе; съ ея помощью Мука надѣялся продолжать начавшееся возрожденіе лужицкаго народа, и приготовить ему лучшее будущее.

Въ 1874, послѣ окончанія гимназій, Мука отправился въ Лейпцигъ, чтобы заняться тамъ изученіемъ богословія и философіи. Но такъ какъ богословское поприще не соответствовало его здоровью, то онъ выбралъ классическую филологію. Послѣ годового посѣщенія университета въ Іенѣ (1875 г.) онъ вновь возвратился въ Лейпцигъ. Тамъ Мука по преимуществу занимался славянскимъ языковѣдѣніемъ. Въ своихъ занятіяхъ онъ встрѣтилъ поддержку со стороны профессора славяновѣдѣнія Лескіена, извѣстнаго славянскаго ученаго.

Занятіе славянскимъ языковѣдѣніемъ сильнѣйшимъ образомъ укрѣпило въ Мукѣ любовь къ родному языку. Его выдающееся положеніе въ Будышинскомъ кружкѣ: „Societas slavica Budissinensis“ теперь еще болѣе укрѣпилось, а идеалы, принесенные имъ изъ національнаго центра, достигли полнаго расцвѣта въ 1875 году. Мука, тогда еще полный надеждъ на будущее студентъ, созвалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими единомышленниками первый съѣздъ серболужицкой учащейся молодежи—„skhadzowanka *) serbskeje studowaceje mtodziny“ въ Хрошцицахъ (Khrósćicach—Crostwitz). Это событіе имѣетъ такое же значеніе для молодого поколѣнія, какъ основаніе Матицы Сербской (Maćica Serbska) для серболужицкаго народа и для Матицы Сербской приобрь-

*) Схожденіе.

теніе Смолеремъ въ 1873 г. собственнаго дома и открытіе въ немъ типографіи. Подъ руководствомъ Муки, Барта-Тишинскаго (Bart—Ćišinski) и Голана (Holan) созывались конгрессы съ цѣлью сблизить отдѣльныхъ членовъ кружковъ для большей національной сплоченности. Въ „skhadźowaniku“ читались доклады объ изученіи и успѣхахъ родного языка; также обсуждались и приводились въ исполненіе проекты представлявшіе интересъ для студенчества и страны. Съ 1875 г. конгрессы стали созываться ежегодно лѣтомъ приблизительно въ Августъ мѣсяцъ въ той мѣстности, которой особенно угрожало ояѣмеченіе. Кромѣ интеллигенціи, въ нихъ принимаетъ участіе и простой народъ, а потому съѣзды сдѣлались важнымъ жизненнымъ факторомъ для серболужицкой національности.

Блестящій результатъ „skhadźowaniki“ обнаружился вскорѣ послѣ ея основанія (1876 г.): это былъ журналъ „Липа Сербска“ (Lipa Serbska). Въ немъ отразилось стремленіе учащейся молодежи того времени послужить на пользу родины, также какъ и ея національное самосознаніе. Интересно отмѣтить имена молодыхъ людей выдававшихся на литературномъ поприщѣ: Мука, Бартъ-Тишинскій, Либшъ (Libš), Бьедрихъ (Bjedrich), Скала. Но и среди нихъ Мука занимаетъ первое мѣсто: онъ главный редакторъ и издатель „Липы Сербской;“ второй послѣ него—Бартъ-Тишинскій. Послѣдній даетъ новое направленіе серболужицкой литературѣ и надо отмѣтить, что, по своему стремленію возродить серболужицкую національность, оно далеко превосходитъ теченіе 40-хъ годовъ. Это повело къ тому что „Липа Сербска“ показала нѣкоторымъ старымъ патріотамъ слишкомъ революціоннымъ, самонителнымъ и даже не національнымъ. Однако, этотъ литературный журналъ издавался по образу періодическихъ изданій другихъ славянъ, въ особенности чеховъ. Такъ напримѣръ въ стихотвореніяхъ Ягуба Барта-Тишинскаго замѣтно вліяніе Врхлицкаго, какъ и вообще всей чешской поэзіи. Борьба младшаго поколѣнія съ консервативными возрѣніями старшихъ патріотовъ повела къ побѣдѣ перваго. Въ 1882 г. „Липа Сербска“ соединилась съ „Лужичаномъ“, органомъ старшихъ. вмѣсто нихъ сталъ выходить новый журналъ „Лужица,“ (Lujica) редакторомъ котораго опять таки сдѣлался Мука. Съ этого времени начинается переворотъ въ литературѣ; объ немъ и будетъ рѣчь ниже.

Въ 1878 г. Мука получилъ степень доктора философіи, защитивъ диссертацию на тему; „De dialectis Stesichori, Ibyci, Simonidis, Bachylicis ceterumque poetarum choricorum cum Pindarica comparatis,“—за которую онъ удостоился преміи Курціуса. Въ слѣдующемъ 1879-омъ году

ему пришлось сдавать свои государственные экзамены вслѣдствіе назначенія на должность младшаго преподавателя гимназіи въ Циттау (Zittau). Онъ прекрасно выдержалъ пробный годъ и сдѣлался преподавателемъ классическихъ языковъ въ Будишинѣ. Въ это время онъ женился на Луизѣ фонъ Рекучковъ (Loska z Rekuřkow), графинѣ рожденной въ Венгріи съ которой познакомился еще въ Лейпцигѣ. Онъ счастливо прожилъ съ ней 13 лѣтъ.

Изъ Будишина въ 1883 г. Мука перешелъ въ Хемницъ (Chemnitz), гдѣ и пробылъ 4 года, пока не получилъ назначенія въ Фрейбергъ въ гимназію „Альбертинумъ.“

Фрейбергъ, извѣстный въ Саксоніи своею Горной Академіей и горнымъ дѣломъ, сдѣлался для Муки второй родиной.

Въ мѣстной гимназіи онъ показалъ себя выдающимся филологомъ и неутомимымъ педагогомъ, такъ что вскорѣ его надзору поручили старшіе классы. Затѣмъ онъ даже занялъ отвѣтственную должность члена испытательной комиссіи. Благодаря своимъ познаніямъ, онъ, кромѣ завѣдующаго гимназической библіотекой, сдѣлался также и библіотекаремъ Фрейбергской городской археологической библіотеки.

Съ какимъ знаніемъ, съ какимъ стараніемъ и сознаніемъ долга служилъ Мука въ продолженіи 33 лѣтъ видно изъ слѣдующихъ отличій, которыя выпали на его долю: въ 1901 г. саксонское правительство удостоило его званія профессора гимназіи, въ 1909 г. онъ сдѣлался первымъ преподавателемъ послѣ ректора, въ Декабрѣ 1912 г. проректоромъ, наконецъ, въ маѣ 1913 г. онъ вновь удостоился званія „Studiengat.“ Эти отличія имѣютъ еще бѣльшее значеніе, потому что на саксонской службѣ они достаются съ трудомъ, для профессора же Муки получить ихъ было двойной честью, такъ какъ онъ къ тому же и извѣстный лужицкій патріотъ и сознательный сербъ. Добился онъ ихъ исключительно своими заслугами въ преподавательской и научной дѣятельности.

Изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ Муки ясно видны его неоцннимыя заслуги для лужицкаго движенія, а также значеніе, какъ ученаго и патріота. Начало литературной дѣятельности Муки относится еще къ его студенческимъ годамъ, когда онъ стоялъ во главѣ вновь образовавшейся интеллигентной молодежи и редактировалъ упомянутую „Липу Сербску.“ Его пристрастіе къ поэзіи выразилось

въ томъ, что еще въ юные года онъ написалъ нѣсколько пѣсенъ и стиховъ. Позднѣе онъ отдался всецѣло научной дѣятельности, въ особенности фольклору и славяновѣдѣнію, забросивъ поэзію. Однако, онъ принималъ большое участіе въ собираніи народныхъ пѣсенъ, которыя и издалъ частью самъ, частью въ сотрудничествѣ со своими чешскими друзьями: Лудвика Кубы (Ludwik Kuba) и Адольфа Чернаго (Adolf Černý). Еще Янъ Эрнестъ Смоляръ и Гендрихъ Йорданъ (Hendrich Jordan) обратили вниманіе на богатство національныхъ народныхъ пѣсенъ жителей Верхней и Нижней Лужицы. Послѣ нихъ Мука въ промежутокъ времени отъ 1872 до 1894 г. издалъ 3 сборника: „Debnjolužiske ludowe pěsnje I—III.“—„Namjezne ludowe pesnje I—IV“ и „Hornjoserbske ludowe pesnje I—V“.

Эти собранныя сокровища серболужицкихъ народныхъ пѣсенъ побудили многихъ лужицкихъ учителей образовать въ народѣ гѣвгескіе кружки, устраивать большіе лужицкіе концерты въ Будышинѣ и по деревнямъ Лужицы, а также усовершенствовать нѣкоторые народныя пѣсни и танцы. Послѣдніе и теперь часто исполняются передъ избранной публикой, какъ нѣмецкой, такъ и лужицкой.

Выше уже было отмѣчено, что „Липа Сербская“ является поворотнымъ пунктомъ серболужицкой литературы. Лужицкая учащаяся молодежь и позднѣе осталась вѣрной національнымъ задачамъ. Ею было создано въ продолженіе отъ 1883 до 1892 г. вышедшее подъ редакціей Муки собраніе стихотвореній Андрея Зейлера („Handrija Zejlerja—Zhromagzéne Srisy.“ Изданіе заключало въ себѣ 4 тома (1525 стр).

Въ то же время, а именно въ 1882 г. образовалось изъ соединенія „Лужичана“ и „Липы Сербской“ ежемѣсячный литературный журналъ „Лужица“ (Luzica); редакторомъ, его сталъ опять-таки Мука. Въ этомъ журналѣ (онъ издается еще и теперь) принимали участіе цѣлый рядъ талантливыхъ молодыхъ дѣятелей. Они писали на родномъ языкѣ, выказывая свои познанія, а также плоды духовнаго развитія и воспитанія.

Только совмѣстнымъ усиліямъ Муки и его друга Каноника Якуба Германа (Jakub Hegmann), большого серболужицкаго мецената, обязана „Лужица“, своимъ существованіемъ.

Несмотря на незначительный кругъ подписчиковъ и относительную многочисленность лужицкихъ журналовъ, „Лужица,“ хотя и съ

трудомъ, но издается ежегодно. Мука единолично руководилъ журналомъ до 1896 г., затѣмъ отъ 1897 до 1903 г. его сотрудниками выступаютъ еще молодой, но талантливый публицистъ Капланъ Миклашъ Андрицкій (Mikławś Andrlicki) а съ 1904 по 1910 г. выдающийся серболужицкій поэтъ Бартъ-Тишинскій. Съ 1910 г. „Лужица“ издается подъ редакціей учителя Франца Краля изъ Матицы Сербской.

„Лужица“ содержитъ въ себѣ стихотворенія, пѣсни, рассказы, научные очерки и народныя пословицы. Кромѣ того въ ней печатаются обзорѣнія всѣхъ лужицкихъ періодическихъ изданій, отмѣчаются ежемѣсячно событія народной жизни, имѣющія значеніе для исторіи лужичанъ. „Лужица“—стоитъ на стражѣ родного языка, нравовъ и обычаевъ, это органъ обѣихъ частей лужицкой страны: Верхней и Нижней Лужицы. Наконецъ, этотъ журналъ даетъ свѣдѣнія о литературѣ другихъ славянъ, въ особенности о статьяхъ, касающихся серболужичанъ. Вслѣдствіе этого онъ очень распространенъ и любимъ среди славянскихъ народовъ, главнымъ образомъ чеховъ.

Между прочимъ, интересно сдѣлать обзоръ лужицкой періодической печати, отмѣтивъ при этомъ, что, несмотря на немногочисленность народа, потребность въ книгахъ и журналахъ, написанныхъ на родномъ языкѣ, очень велика. Кромѣ „Лужицы“ имѣется еще 9 журналовъ: Матица Сербска, ежегодно издаетъ въ 2 выпускахъ „Časopis Maćicy Serbskeje“—Часопись М. С., а также народный календарь „Protyka Prědženak.“ Подъ редакціей Марка Смолера, сына великаго серболужицкаго дѣятеля Яна Эр. Смолера, съ 1884 г. издается, „Serbske Nowiny“, еженедѣльная политическая гавета, въ литературномъ отдѣлѣ котораго помѣщается безсчетное количество рассказовъ и переводовъ, главнымъ образомъ съ русскаго и чешскаго. Отдѣльнымъ приложеніемъ къ „Serbske Nowiny“ является еженедѣльный религиозный журналъ для серболужичанъ-протестантовъ „Pomhoj Bóh,“ въ то время какъ католическій союзъ „Towarstwo Swjateju Cyrilla a Methoda“ издаетъ еженедѣльникъ „Katolski Posot“ для лужицкихъ католиковъ, а также календарь „Krajan.“

Кромѣ того въ 1844 г. Андрей Зейлеръ основалъ для протестантовъ ежемѣсячный журналъ „Missionske powjesce,“ превратившійся съ 1854 г. въ „Missionski Posot,“ послѣдній издается до настоящаго времени. Молодому учителю Францу Кралю обязана лужицкая народно-школьная молодежь появленіемъ журнала для молодежи „Raj“. Онъ началъ выходить съ 1906 г., какъ приложеніе къ журналу „Katolski

Posol“ сначала 4 раза въ годъ, а съ 1909 г. союзомъ учителей-католиковъ („Swobodne Zjednocénstwo Katolskich wučerjow Serbskeje Łužicy“) выпускается 2 раза въ мѣсяць.

Съ 1911 г. приложеніемъ этого журнала является маленькій календарь для дѣтей „Nadžija“ („Надежда“), имѣющей большой успѣхъ среди читателей.—Въ прусской Нижней Лужицѣ издаются 2 журнала: политическій еженедѣльникъ „Bramborski Casnik,“ редактируемый канторомъ (старшій учитель) Х. Швелою (Šwjela) и съ 1909 г. религиозный ежемѣсячникъ „Gwězda“ („Звѣзда“) подъ редакціей пасторовъ Швелы (младшаго) и Новаго (Šwjela—Dešnjanski и Nowy—Brjazynski).

Если принять во вниманіе, что маленькое племя серболужичанъ насчитываетъ не болѣе 150 тысячъ человѣкъ, большая часть которыхъ крестьяне, интеллигенція же составляетъ лишь незначительное меньшинство, то 9 журналовъ (7 верхне- и 2 нижнелужицкихъ) для такого маленькаго народа чрезвычайно много. Это доказываетъ живучесть серболужицкаго языка и интересъ народа къ просвѣщенію.

Чтобы имѣть представленіе объ этнографическихъ и статистическихъ данныхъ о серболужицанахъ необходимо обратиться къ капитальному труду Муки: „Статистика сербовъ—Statistika Serbow.“

Въ 1880 г. журналъ „Časopis Maćicy Serbskeje“ напечаталъ обширную работу Муки о положеніи Серболужичанъ Нижней Лужицы въ 1880 году (Dělnjotuziske Serbstwo welečé 1880), этимъ было положено начало его знаменитой книгѣ „Statistika Serbow.“ Въ 1886 г. трудъ былъ изданъ съ приложеніемъ подробной этнографической карты обѣихъ Лужицъ. Эта замѣчательная работа содержитъ не только статистическій, но также и обширный этнографическій матеріалъ. Мука выказалъ себя на ряду съ Смолеремъ и Горникомъ выдающимся знатокомъ серболужицкаго народа.

Изъ собраннаго статистическаго матеріала видно, что Мука ходилъ изъ деревни въ деревню и отмѣчалъ каждую мелочь въ связи съ окружающей обстановкой. По его подсчету саксонская Верхняя Лужица насчитываетъ 33 прихода съ 37 церквами и 410 деревнями, прусская Верхняя Лужица 30 приходоу съ 31 церковью и 161 деревней, а Нижняя Лужица 42 прихода съ 62 церквами и 192 деревнями. Число Серболужичанъ въ лужицко-нѣмецкихъ предѣлахъ Лужицы Мука точно установилъ послѣ подсчета. Въ саксонской Верхней Лужицѣ 51354

жителя, въ прусской Верхней Лужицѣ 37303 и въ Нижней Лужицѣ 72410; итого 106,067 лужичанъ. Въ лужицкихъ предѣловъ онъ насчиталъ (въ Германіи, Америкѣ и Австріи) 7402 верхнелужичанина и 3500 нижнелужичанина, итого 10902. Такимъ образомъ по подсчету Мука общее число лужичанъ въ 80-хъ годахъ на родинѣ и внѣ ея достигаетъ 176,969 человекъ.

Совсѣмъ другія цифры даетъ официальная статистика. По ея свѣдѣніямъ въ 1849 г. въ обѣихъ Лужицахъ насчитывалось только 141649 жителей, въ 1880 г.—136160 и въ 1900 г. лишь 116,721 серболужичанъ. Если сравнить официальныя данныя 1849 г. съ 1900, то окажется, что за полъ столѣтія убыль населенія равняется 33,391. а по сравненію съ подсчетомъ Муки даже 59.448 серболужичанъ. Но официальныя статистическія данныя очень неточны, вслѣдствіе того, что прусское и саксонское правительство дѣлаетъ различіе между чисто сербскимъ и „нѣмецко-сербскимъ“ роднымъ языками. Такимъ образомъ официальная статистика считаетъ серболужичанъ нѣмцами или „сербомѣмцами“ и поэтому положиться на нее нельзя, такъ какъ она противорѣчитъ статистикѣ, которая ведется въ школахъ. На самомъ дѣлѣ можно принять, что со времени изданія „Статистики“ д-ра Мука до 1900 года. то есть въ продолженіе приблизительно 30 лѣтъ, около 20 тысячъ серболужичанъ были поглощены Германизациею, такъ что въ настоящее время можно, считать около 156,969 серболужичанъ, живущихъ у себя дома и за границей.

Вторымъ монументальнымъ сочиненіемъ, созданнымъ д-ромъ Мука для роднаго лужицкаго языка, было *„Историческая и сравнительная грамматика нижнесербскаго языка съ особеннымъ разсмотрѣніемъ пограничныхъ діалектовъ и верхнесербскаго“* (615 страницъ большого формата XVIII+615) *„Historische und vergleichende Laut- und Tonnenlehre der niederserbischen Sprache mit besonderer Berücksichtigung der Grenzdialekte und des Oterserbischen.“*—

Столь богатой содержаніемъ грамматической работы еще не было до тѣхъ поръ въ серболужицкой литературѣ, и можно сказать, что со времени изданія словаря Х. Поуля, (Křesčan B. Pful „Lužicki serbski Slovník“. Budysin, 1866), въ которомъ сотрудничали также Андрей Зейлеръ и Михаль Горникъ, въ ней не появлялось еще столь содержательной и исчерпывающей книги. Это замѣчательное сочиненіе было удостоено въ 1887 году преміи въ 1000 марокъ, присужденной ему ученымъ обществомъ имени князя Яблонскаго въ Лейпцигѣ, и будучи

издано обществомъ въ 1891 году, возбудило удивленіе всѣхъ славистовъ талантомъ и всесторонней эрудиціей своего автора.

Мы желали бы здѣсь въ короткихъ словахъ показать различіе между верхне и нижнелужицкимъ діалектами, которые уже довольно замѣтны въ древнѣйшихъ литературныхъ памятникахъ. Они, слѣдующія: старославянская носовая гласная *ę* замѣнена въ верхнелужицкомъ черезъ *à* (*ja*), а въ нижнелужицкомъ черезъ *ě*: такъ нижнелужицкая *jědro*, *jězy*, *glědaś*, *swěty*, *wězas* (русскія ядро, языкъ, глядѣть, святой, вязать) соотвѣтствуютъ верхнелужицкимъ *jadro*, *jazyk*, *hladać*, *swjaty*, *wjazać*. Старославянское сочетание *trrt* (*tr̥t*) обыкновенно является (*ъ* послѣ губныхъ гортанныхъ) въ верхнелужицкомъ въ видѣ *tort*, *těrt*, въ нижнелужицкомъ *tart*, *tjart*; верхнелужицкія *borloh mjerznuć*; *khort*, *horđy* соотвѣтствуютъ нижнелужицкимъ *barlog*, *marznuś*; *chart*, *gjarđy* (русскія: берлога, забнуть, хортъ (?), гордый.) Старославянское сочетание *tlrt* (*tl̥t*) соотвѣтствуетъ верхнелужицкому *tołt* (*я* очень рѣдко *tjelt*) верхнелужицкія *wolna*, *kołbasa*, *dołh*, *cołm*, *mjelćes*—нижнелужицкимъ *walna*, *kjalbas*, *dlug*, *cołn*, *mjelcaś* (русскія: волна, шерсть, колбаса, долгъ, челнъ, молчать).

Мягкая гласная *e* замѣняется въ нижнелужицкомъ языкѣ въ ударяемыхъ слогахъ передъ твердымъ согласнымъ черезъ *à*: нижнелужецкія *jazor*, *mjasec*, *lagnuś se*, *wjaknuś*—верхнелужицкимъ *jězor*, *měsac*, *lehnuc so*, *rjeknuć* (русскія: озеро, мѣсяць, ложиться, рекать (онъ рекъ)). Въ верхнелужицкомъ діалектѣ больше мягкихъ и меньше твердыхъ согласныхъ, чѣмъ въ нижнелужицкомъ. Согласныя *š*, *ž*, *č*, совершенно мягки въ верхнелужицкомъ, какъ въ русскомъ и въ чешскомъ въ то время, какъ въ нижнелужицкомъ онѣ совершенно тверды, какъ въ польскомъ: верхнелужскія *šija žito čisty*—нижнелужицкимъ *šuja, šyto custy* (первоначальное *čusty*). Эти согласныя приняли твердый характеръ въ нижнелужицкомъ языкѣ въ XIII—XV столѣтіяхъ. въ то время, когда въ нижнелужицкомъ языкѣ *č* перешло въ *s* (верхнелужицкое *čas*—нижнелуж. *cas*) и образовались мягкія согласныя *ś* и *ź*, въ то время какъ въ верхнелужицкомъ образовались *é* и *dź* (верхнелуж. *śma*, *śańki*, *ćinić*, *dźeđ*, *dźećó*, *w hrodzė*, соотвѣтствующія нижнелужицкимъ *śma*, *śańki*, *cyńiś*, *žėd*, *žiśe w grože*, (русскимъ, тьма, тонкій, чинить, дѣдъ, дитя. въ городѣ.) Только послѣ шипящихъ образованія нижнелужицкаго языка сходны съ образованіями верхнелужицкаго: *jěśe*, *w liscė*, *w gózdze*—русскія, ѣсть. въ листьѣ. въ рошѣ.

Гортанныя *g* и *ch* сохранились въ нижнелужицкомъ языкѣ въ первоначальномъ видѣ, но въ верхнелужицкомъ уже въ XIII—XV сто-

лѣтяхъ *g* перешло въ *h* а въ концѣ XVII, повидимому подъ вліяніемъ нѣмецкаго языка, *ch* въ началѣ слова перешло въ *kh* нижнелужицкія *gnězdo drugi bog*—верхнелужицкимъ *hnězdo, druhi, bóh*; нижнелужицкія *chmél, psichadaś* верхнелужицкимъ *khmjel, pŕikhadzeć*; но нижнелужицкое *huchó, duchowny*—верхнелужицкимъ *wucho, duchowny*. Въ нижнелужицкомъ языкѣ согласная *h* переходитъ въ придыхательную въ словахъ, которыя первоначально начались съ гласной, въ то время, какъ въ верхнелужицкомъ въ этихъ случаяхъ появляется *w*: нижнелужицкое *huchó*—верхнелужицкое *wucho*.

Палатализація звука *g* въ сочетаніяхъ *kr, pr, tr* идетъ въ нижнелужицкомъ языкѣ дальше, чѣмъ въ верхнелужицкомъ; въ верхнелужицкомъ лишь мягкое *g* обращается въ *š* (печатное *ř*) или въ *sj* (въ сочетаніи *tř, třo*—въ чтеніи *tsjo*) въ то время какъ въ нижнелужицкомъ и мягкое и твердое *g* палатализуется въ *k, p, t*, при чемъ мягкое *g* переходитъ въ *ś*, а твердое въ *š*: верхнелужицкія *Křiwu, pŕećiwó* (читай *Kšiwu. pŕećiwó*)—нижнелужицкимъ *kšiwu, pŕeśiwó* (русскія: кривой, противъ); верхнелужицкія *kraj, wutroba, kruty* (русскія: край, сердце (утроба), крутой)—нижнелужецкимъ *ksaj, hutšoba, kšuty*. Однако въ томъ и другомъ языкѣ *g* остается неизмѣннымъ, а) въ тѣхъ случаяхъ, когда первоначально *k* и *g, p* и *g, t* и *g* не были рядомъ, но лишь въ позднѣйшемъ развитіи языка вошли въ соприкосновеніе между собой (или черезъ потерю полугласной *ь*, или посредствомъ метаезиса) нижнелужицкія *praś, pŕědny, krowa. prose. strona*—верхнелужицкимъ *prać, pŕěni, kruwa, strona* (русскія: прать, первый, корова, сторона); б) въ звукоподражаніяхъ: нижнелужицкія *kŕakotaś, trantawa*; в) въ словахъ иностраннаго происхожденія: нижнелужицкое *pŕatkowaś*—верхнелужицкому *pŕědowaś* (нѣмецкое *predigen*—проповѣдывать).

Оба языка противоположны польскому въ отсутствіи носовыхъ согласныхъ и чешскому отсутствіемъ полугласныхъ (слоговыхъ *l* и *g*, съ другой стороны старославянское сочетаніе *tort* переходитъ какъ и въ польскомъ въ *trot* (нижнелужицкое *gród*—верхнелуж. *hród*, польское *gród*, чешское *hrad*) и старославянское *tolt* опять; согласно съ польскимъ, переходитъ въ *tolt* (лужицкое *žloc*—польское *złoc*, чешское *žlab*); напротивъ оба эти родственные языка въ противоположность серболужицкому утратили двойственное число во всѣхъ измѣняемыхъ частяхъ рѣчи; затѣмъ утратили простыя глагольныя формы прошедшаго времени, а именно *imperfektum* и *aorist*, особенно въ глаголахъ сложныхъ съ предлогами. Удареніе въ обоихъ языкахъ, какъ и въ чешскомъ, лежитъ на первомъ слогѣ, но въ нижнелужицкомъ а также въ про-

межуеточныхъ діалектахъ между верхне- и нижнелужицкимъ языками появляется въ трехсложныхъ и многосложныхъ словахъ еще добавочное удареніе, которое получается посредствомъ пѣвучаго произношенія предпоследняго слога и напоминаетъ въ этомъ отношеніи польскій языкъ, такъ что здѣсь лужицкій языкъ служитъ какъ бы мостомъ между польскимъ и чешскимъ. Длинныхъ гласныхъ, какъ въ чешскомъ, нѣтъ въ серболужицкомъ языкѣ, польскіе ударяемые слога произносятся въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе протяжно, что бываетъ по разному въ различныхъ діалектахъ.

Эти два главныхъ серболужицкихъ языка распадаются на большое число подсобныхъ діалектовъ и нарѣчій. Уже Йорданъ и Смолеръ различали 4 верхнелужицкихъ діалекта: будышинскій. (Bautzener) лубійскій (Löbauer), Каменецкій (Kamenzer) и прусскій. Смолеръ ввелъ еще одинъ промежуточный діалектъ и Поуль выдѣлилъ воерецкій (Hoyerswerdaer) діалектъ.

Мука старательнѣйшимъ образомъ изучилъ эти серболужицкіе діалекты и онъ дѣлитъ верхнелужицкій языкъ на три діалекта: 1) восточный съ тремя отгѣнками а) лубійскій, б) холмскій в) дубцовскій; 2) средній или будышинскій, который служитъ основаніемъ для настоящаго литературнаго языка и также имѣетъ 3 отгѣнка: а) горный б) будышинскій въ строгомъ смыслѣ и в) прусскій (holanski), и наконецъ: 3) западный или каменецкій, также съ тремя отгѣнками: а) тухорскій. б) катольскій (католическій) и в) воерецкій. Измѣненія въ отгѣнкахъ этихъ трехъ діалектовъ происходятъ по направленію съ сѣвера на югъ.—

Въ нижнелужицкомъ языкѣ Мука различаетъ два главныхъ діалекта: 1) Котбусъ-Шбремберскій (Chosëbuzsko-gródski), который сталъ литературнымъ. съ двумя нарѣчіями и 2) люббенавско-люббенскій (lubnjosko-lubinski) или языкъ Шпреевальда, который мы находимъ въ нижнелужицкомъ Шпреевальдѣ (Błóta).

Кромѣ этихъ нижнелужицкихъ и верхнелужицкихъ діалектовъ д-ръ Мука выдѣляетъ еще промежуточный между обоими серболужицкими языками и дѣлитъ его на двѣ вѣтви: 1) Мужаковскій (Muskauer) и 2) собственно промежуточный діалектъ съ тремя отгѣнками а) восточнымъ б) среднимъ и в) западнымъ или коморовскимъ (Seiftenberger.)

Оба эти произведенія д-ра Муки являются главнѣйшимъ результатомъ его научной дѣятельности и чрезвычайно богаты, какъ мы по-

казали, научнымъ матеріаломъ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ собирался и изучался имъ. Какимъ образомъ шло собираніе научнаго матеріала юбиляромъ—объ этомъ намъ рассказываютъ два друга въ журналѣ „Лужица“. Предсѣдатель „Матицы Сербской“ пасторъ Кржижанъ въ Ięga (Jan Křižan-Hodźycki) рассказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ юныхъ лѣтъ“ слѣдующее:

„Когда въ началѣ Мая или Августа начинали пустѣть мрачныя стѣны лейпцигскаго университета, Мука, всегда однимъ изъ первыхъ, бралъ свой дорожный мѣшокъ и палку, чтобы отправиться странствовать во время каникулъ. По большей части онъ отправлялся къ своей матери, сестрамъ и брату, но иногда онъ отправлялся по Лужицѣ къ мрачнымъ лѣсамъ Пруссіи или въ зеленѣющей гостепріимный Шпревалльдъ, гдѣ повсюду онъ имѣлъ друзей, которые его съ радостью принимали. Онъ ходилъ изъ дома въ домъ, изъ деревни въ деревню, толковалъ съ жителями, прислушивался къ ихъ выговору, къ ихъ преданіямъ, пѣснямъ, сказкамъ. Живой народный языкъ былъ его учебной книгой. Я живо вспоминаю, какъ въ началѣ Марта 1878 года я отправился съ Мукой вмѣстѣ изъ Лейпцига, чтобы побродить нѣсколько дней въ лужицкой „holi“ (песчаная лѣсистая мѣстность) въ прусской Лужицѣ. Мы посѣтили мѣста: Hózdnicа, Čorný kholmc, Wojegesu, Slepо, Mochоіе и нѣсколько другихъ мѣстъ. Когда мы возвращались усталыми въ гостинницу, Мука тотчасъ послалъ за деревенскимъ музыкантомъ, который долженъ былъ играть ему народныя пѣсни и танцы, мотивы которыхъ онъ тотчасъ записывалъ. Днемъ онъ подсаживался къ прялкѣ старушекъ и заставлялъ ихъ рассказывать сказки, которыя такъ же записывались имъ. Лишь только ему удавалось встрѣтить что нибудь характерное для серболужицкаго народа, онъ тотчасъ обрисовывалъ это вѣрнымъ взглядомъ знатока и въ надлежащее время публиковалъ найденные матеріалы въ журналахъ „Lipa Serbska“ или въ „Časopisu Maćicy Serbskeje.“ Въ это время я узналъ въ Мукѣ энергичнаго собирателя разсѣянныхъ въ народѣ литературныхъ сокровищъ, а также тонкаго наблюдателя за жизнью серболужицкаго народа. Časopis—это собраніе литературныхъ матеріаловъ имъ собранныхъ и систематизированныхъ было и останется свидѣтельствомъ начатыхъ имъ еще въ юности занятій“....—

Въ этомъ же Мартовскомъ выпускѣ „Лужицы“ пишетъ и Юрій Либшъ (приходскій священникъ въ отставкѣ) въ своей статьѣ, посвященной юбилею д-ра Муки:—„Мука—это, человекъ вышедшій изъ народа, и созданный для народа. Путешествія по Лужицѣ были ему

какъ бы врождены. Кромѣ Яна Смолера ни одинъ серболужицанинъ, не бродилъ столько вдоль и поперекъ горъ и долинъ Лужицы, какъ Мука. Точно также, какъ Зейлеръ, нашъ юбиляръ никогда не разставался съ перомъ и записной книжкой, чтобы немедленно записать показавшуюся ему незнакомой поговорку, пѣсню, оригинальную грамматическую форму. Весь этотъ собранный матеріалъ онъ обрабатывалъ и послѣ печаталъ либо въ газетахъ, либо отдѣльной брошюрой.“

Благодаря своей постоянной научной работѣ, Мука сдѣлался учителемъ молодого поколѣнія, къ которому онъ когда-то принадлежалъ. Хорошимъ помощникомъ при собираніи статистическаго матеріала оказался для него пасторъ Гандрикъ въ Слѣпомъ (Handrik-Slepjanski). другой пасторъ Богумиль Швела, сынъ старшаго учителя Швелы, редактора газеты „Bramborski Casnik“, установилъ опредѣленное правописаніе нижнелужицкаго языка на основаніи исторической грамматики д-ра Муки и опубликовалъ систематизированную такимъ образомъ этимологию этого языка сначала въ „Casopisu M. S.“, а затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ (Delnjoserbski pšawopis 1903). Изъ остальныхъ работъ учениковъ д-ра Муки ярко выдѣляется „Учебникъ нижнелужицкаго языка“ (Lehrbuch der niedersorbischen Sprache. I. Grammatik. II. Praktisches Übungsbuch. Cottbus 1905 и 1911)—Швелы, который оказываетъ огромную пользу серболужицкой интеллигенціи при изученіи родного языка.—На верхнелужицкомъ языкѣ обработалъ Юрій Краль грамматику серболужицкаго языка въ Верхней Лужицѣ „Grammatik der wendischen Sprache in der Oberlausitz.“ (Bautzen 1896), и вышедшій еще десятью годами раньше „Синтаксисъ серболужицкаго языка въ Верхней Лужицѣ“ („Syntax der wendischen Sprache in der Oberlausitz.“ Bautzen 1884) священника Юрія Либша. Можетъ показаться страннымъ то обстоятельство, что большая часть работъ д-ра Муки и его учениковъ написаны по нѣмецки, для славянина это можетъ даже казаться недостаткомъ, но надо помнить, что употребленіе нѣмецкаго языка вполнѣ оправдывается желаніемъ дать болѣе широкое распространеніе литературѣ о серболужицкомъ языкѣ, а также тѣмъ, что большинство серболужицкой молодежи воспитывается въ нѣмецкой школѣ по нѣмецкимъ же учебникамъ.

Выше мы говорили о томъ, что „Статистика серболужичанъ“ д-ра Муки представляетъ изъ себя точную и вполнѣ заслуживающую довѣрія работу, особенно важную по своему сравнительному списку лужицкихъ и нѣмецкихъ названій деревень и мѣстечекъ, а также по приложенной къ ней этнографической картѣ всей Лужицы. Этотъ ма-

теріалъ былъ въ послѣдствіи пересмотрѣнъ д-ромъ Мукой въ специальной брошюрѣ, изданной имъ въ 1886 году подъ заглавіемъ „Serbski zem-jepisny słownick z nabrobnej ethnografiskej kartu serbskeju Zužicow.“ Тамъ онъ приводитъ сначала нѣмецкое названіе мѣстечка, затѣмъ серболужицкое, показывая такимъ образомъ старину славянскихъ названій сравнительно съ нѣмецкимъ. Мы можемъ привести нѣсколько примѣровъ:

Barłog, Dubrawa, Gorice, Jasen, Jawornik, Kamjenica Lomnica, Nowa Wjes, Nowy Dwór, Rudnica, Pogřč, Rovno, Pridoł, Čorna Woda, Mokra, Załom, Starik, Trebjenica, Winica, Sedło, Běla Woda—или названія горъ: Sokolnik, Sněrnicy, Popica, Čormihora, Čorny luh, Giganka, Bělina и т. д.

Особенное вниманіе удѣлилъ нашъ ученый тѣмъ частямъ Нижней Лужицы, которыя подверглись въ послѣднее время германизации. По этому поводу онъ написалъ. „Очерки по исторіи германизованныхъ мѣстностей Нижней Лужицы (Piinoški kstawiznam prènémčenyh stron Delnjeje Łužicy. Budyšin 1911.) Въ своихъ занятіяхъ славяновѣдніемъ онъ не ограничился родной Лужицей, но подвергъ изслѣдованію и сосѣднія области, въ которыхъ когда то сидѣли лабскіе славяне. Во время своихъ странствій онъ тщательно собиралъ и тамъ сохранившіеся славянизмы, остатки славянскихъ наименованій въ различныхъ церковныхъ документахъ, подвергалъ собранный имъ матеріалъ тщательной обработкѣ и комментировалъ его. Эти результаты своихъ научныхъ путешествій онъ публиковалъ частью въ отдѣльныхъ брошюрахъ, частью въ газетахъ и журналахъ. Такимъ образомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ появились написанныя на нѣмецкомъ языкѣ брошюры: „Славянскія названія мѣстечекъ въ Неймаркѣ.“ (Die slavischen Ortsnamen der Neumark 1898) съ дополнительнымъ рефератомъ „Пустоши, рѣки и лѣса Неймарка со славянскими названіями“ („Wüstnugen Gewässer und Holzlugen der Neumark mit slavischen Benennungen“ Heft 7 und 22 der Schiften des Vereins für Geschichte der Neumark.)—„Сорбійскія имена въ области Цейца“ (Sorbische Namen im Zeitzer Kreise), „Сорбійскія имена мѣстечекъ окрестности Вурцена“ (Sorbische Ortsnamen der Wuizener Pflere) „Сорбійскія имена долинъ въ округахъ Биттерфельда и Делича“ (Sorbische Thurnamen in den Kreizen Bitterfeld und Delitsch.“—

Эти работы возбудили къ себѣ большой интересъ въ Германіи и въ ученомъ мірѣ и Мука сталъ, благодаря имъ крупнымъ и компетентнымъ ученымъ въ области славяновѣднія и къ его голосу начали прислу-

шиваться. Такимъ образомъ Мука изслѣдовалъ старыя мекленбургскія хроники 14-го, 15-го, 16-го и 17-го столѣтій для отысканія въ нихъ славянскихъ названій и результаты этого разслѣдованія были опубликованы д-ромъ Г. Виттеномъ въ его „Вендскихъ фамилiяхъ и прозвищахъ“ (Wendische Zu- und Familiennamen. Schwerin, 1906, pg. 290.), причеъ эта работа была снабжена большой картой герцогства Мекленбургскаго.—Также участвуетъ Мука и въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза въ Лейпцигѣ, гдѣ ему принадлежатъ статьи о серболужичанахъ, полабскихъ и балтiйскихъ славянахъ.

Но не на одномъ только нѣмецкомъ языкѣ появлялись плоды научныхъ занятiй д-ра Муки, ему принадлежитъ также рядъ статей въ славянскихъ газетахъ и журналахъ. Такъ въ 1904 году онъ напечаталъ въ чешскомъ журналѣ Адольфа Черни „Slovanský Přehled,“ въ Прагѣ издаваемомъ, очень интересную работу о люнебургскихъ славянахъ, которая послѣ была издана отдѣльнымъ выпускомъ подъ заглавiемъ „Slované ve vojvodství lüneburském.“

Во введенiи къ этой работѣ Мука приводитъ имена ученыхъ, которые занимались люнебургскими и полабскими славянами, между прочимъ, онъ называетъ нѣмецкаго философа Лейбница, русскаго ученаго Гильфердинга и польскаго изслѣдователя Парчевскаго. Послѣднiй, въ предположенiи, что въ тѣхъ частяхъ Германiи еще существуютъ потомки этихъ славянъ, написалъ двѣ статьи, одну въ варшавской „Вислѣ“ (1899) подъ заглавiемъ „Потомки славянъ въ Ганноверѣ,“ а другую въ „Часописи Матицы Сербской“ (1890) подъ заглавiемъ „Сербы въ Пруссiи послѣ переписи 1890 года“ (Serbja we Pruskej ro ličenju luda z leta 1890). Обѣ статьи Парчевскаго побудили нѣсколькихъ ученыхъ отдаться изученiю этого вопроса, результатомъ его явилось много научныхъ работъ. Между прочимъ, Мука сообщаетъ, что работа д-ра Фр. Тецнера содержитъ много интереснаго, несмотря на обилiе неточностей.

Въ 1900 году Краковская академiя наукъ предложила д-ру Муку изслѣдовать области люнебургскаго воеводства, и опубликовать результаты его изысканiй. Мука согласился. изслѣдовалъ пѣшкомъ все округа, которые были названы „вендскими“ при переписи и сообщилъ академiи результаты своихъ изслѣдованiй, которые были ею опубликованы подъ заглавiемъ „Szczątki jęzika polabskiego wendów lüneburskich, wupłód, przepyтанja Lüneburskeje rěče.“—

Въ чешской брошюрѣ „Славяне въ воеводствѣ люнебургскомъ“ д-ромъ Мукой было установлено, что полабскiй языкъ или языкъ люне-

бургскихъ славянъ вымеръ въ половинѣ XVIII-го столѣтія, хотя коренная славянскость населенія и сохранилась еще въ обычаяхъ, народныхъ вѣрованіяхъ, образѣ жизни до нашихъ дней. Письменныхъ памятниковъ, однако, ему сыскать не удалось, но въ живомъ народномъ языкѣ онъ нашелъ много указаній на специфическій славянскій способъ обработки земли и постройки домовъ и деревень, „ves“, на славянскій типъ и характеръ народонаселенія и указалъ на то, что самъ народъ зоветъ себя „вендскимъ“, что служитъ доказательствомъ его славянскаго происхожденія. — Въ третьей главѣ онъ описываетъ остатки полабскаго языка, которые сохранились въ разговорномъ языкѣ. Въ приложеніи имъ даны нѣсколько молитвъ и пѣсенъ вмѣстѣ съ напѣвомъ, которые имъ извлечены изъ старой геттинской рукописи Христіяна Генника и бумагъ Лейбница. — Последняя часть содержитъ обзоръ литературы съ 1672-го года до нашихъ дней. (Hildebrand: Wendischer Aberglaube angemerket bey der General-Kirchen-Visitation des Fürstentums. Dannenberg im Monat August, Anno 1671).

Въ этомъ отношеніи работу д-ра Муки слѣдуетъ признать самой полной изъ всѣхъ работъ посвященныхъ люнебургскимъ славянамъ. Каждая ея страница говоритъ о тонкомъ и пытливомъ умѣ ученаго, великолѣпно владѣющаго своими критическими способностями и умѣющаго описать свои наблюденія такъ, что отъ книги трудно оторваться, не дочитавъ ея до конца. Какая-то боль охватываетъ читателя славянина при мысли о несчастной судьбѣ своихъ собратій, потерянныхъ навсегда среди чуждыхъ имъ племенъ...

Объ этомъ же Мука писалъ и въ Петербургскихъ „Славянскихъ Извѣстіяхъ“ (1906 года), посвятивъ полабскимъ славянамъ шесть напечатанныхъ тамъ статей подъ заглавіемъ „Полабскіе славяне.“

Изъ содержанія сочиненій, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, ясно видно, что мы можемъ оцѣнить въ д-рѣ Мука два его свойства, изъ которыхъ первое рисуетъ намъ его какъ ученаго-практика. Матеріалы для своихъ работъ Мука беретъ изъ собственныхъ наблюденій, описывая, главнымъ образомъ, то, что ему самому удалось услышать и увидѣть. Мы уже говорили о томъ, какъ онъ проводилъ свое вакаціонное время въ бытность свою въ университетѣ, но мы должны помнить, что будучи уже профессоромъ, Мука попрежнему проводилъ свое свободное время въ путешествіяхъ и подробно изучилъ такимъ образомъ всю сѣверную Германію, начиная съ Вислы и Одера до Шпрее и Эльбы. Но его любовь къ славянству влекла его и за пре-

дѣлы Германіи. Изъ Баната въ Венгрію была родомъ его первая супруга, съ которой онъ прожилъ 13 счастливыхъ лѣтъ. Въ бытность свою въ Галиціи и Венгріи онъ вошелъ въ тѣсное соприкосновеніе съ русинами и словаками, при чемъ и тамъ большую часть своихъ путешествій онъ совершилъ пѣшкомъ. Его обыкновенный путь велъ черезъ Богемію, Прагу, Брюннъ, Ольмюцъ къ предгорьямъ самыхъ Карпатъ. Посѣтилъ онъ также Польшу и Россію, гдѣ доѣхалъ до Москвы и Нижняго Новгорода, чтобы посѣтить своихъ земляковъ. Ивана Голана, теперь директора Николаевской гимназіи въ Ревелѣ, и Михаила Чоха, инспектора дворянскаго Института имени Императора Александра II-го.—Съ 1906 года предметомъ его особеннаго интереса стала славянскій югъ и остался таковымъ до сихъ поръ. Родина кроатовъ и словинцевъ хорошо извѣстна д-ру Муку, такъ какъ онъ трижды посѣтилъ Штирію, Крайну, Корутанію, дважды Кроацію, чтобы ближе ознакомиться съ нравами и обычаями южныхъ славянъ, а также, чтобы получить болѣе определенное представленіе объ южнославянскихъ отношеніяхъ; четыре раза спускался Мука еще ниже—къ берегу Адриатики, гдѣ онъ посѣщалъ Фіуме-Рѣку, Аббацію-Опатію, Ловрану, Полю и острова Лошинъ, Рабъ и другія прибрежныя мѣста.—Но самымъ любимымъ мѣстомъ отдыха д-ра Мука служитъ Аббація, гдѣ онъ и праздновалъ свой 60-лѣтній юбилей вмѣстѣ со своей супругой. Это легко объяснимо состояніемъ здоровья почтеннаго ученаго. Тамъ онъ получаетъ облегченіе отъ болѣзни нервовъ и глазъ, которыя явились слѣдствіемъ его усиленныхъ занятій, и черпаетъ новыя и свѣжія силы къ работѣ на пользу родной Лужицы.

Вполнѣ понятно, что съ особеннымъ вниманіемъ д-ра Мука изучалъ также и Богемію, языкъ и населеніе которой особенно близки серболужицкому народу. Она была имъ тоже исхожена вдоль и поперекъ, и оказалась родиной его второй супруги, которая и по личнымъ качествамъ и по убѣжденіямъ стала его товарищемъ на жизненномъ пути. Послѣ 16 лѣтняго вдовства (1893—1909) онъ женился на Алоизіи Ирмлеръ, второй дочери чешскаго горнаго инженера и директора рудника Алоизія Ирмлера, редактора газеты „Hornické i hutnické Listy“, въ Прагѣ.

Для насъ ясно теперь и второе качество д-ра Муки—его преданность славянству. Объ этомъ говорятъ не только его собственныя сочиненія, но и цѣлый рядъ статей, посвященныхъ ему, которыя появились въ чешскихъ журналахъ „Zlatá Praha“, „Světozor“ и „Slovansky Préhled“, въ польскомъ „Tygodnik illustrowany“, (Warszawa 1896) и

„Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (СПБ. 1898), въ хорватскомъ „Vijenac“ (1886) и „Prosvjeta“ (1896); въ сербскомъ „Лѣтопису Матицы Српске“ въ Новомъ Саду пишетъ о сочиненіяхъ д-ра Мука въ своей статьѣ „Развой литературе и Лужичкихъ Срба“ (годъ 1905) серболужицкій поэтъ Якубъ Бартъ-Тишинскій.

Хорватскій профессоръ Иосифъ Милаковичъ выпустилъ къ его 60-лѣтнему юбилею второе изданіе своей біографіи (Dr. Arnošt Muka. Prilog proznavanju novije Lučićkosrpske Književnosti. Drugo prošireno izdanje. Sarajevo. 1914.)

О тѣхъ чувствахъ, которыя д-ръ Мука сыскалъ во время своихъ поѣздокъ въ славянскія страны, о количествѣ имъ пріобрѣтенныхъ друзей говорятъ тѣ многочисленныя статьи, которыя появились къ его 60-лѣтнему юбилею и намъ кажется интереснымъ дать нѣсколько образчиковъ тѣхъ дружественныхъ чувствъ, которыя питаютъ къ юбиляру его друзья.

Вышеназванный проф. Милаковичъ пишетъ на 21—22 страницахъ своей біографіи д-ра Мука слѣдующее: „Для поправленія своего здоровья онъ обыкновенно посѣщаетъ нашу чудную Аббацію, гдѣ онъ находится и сейчасъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я обратился къ своему другу, писателю Виктору Куръ Эмину, который также жилъ тамъ, съ просьбой познакомиться съ д-ромъ Мукой, прибавивъ отъ себя, что я занятъ сейчасъ его характеристикой. Я былъ очень удивленъ, когда узналъ изъ писемъ Эмина, что онъ давно знакомъ съ д-ромъ Мукой. Мой другъ писалъ мнѣ: „Уже при первой встрѣчѣ онъ произвелъ на меня впечатленіе богато одареннаго человѣка и патриота. Онъ говорилъ съ такой тоской и любовью о 160 тысячахъ своихъ серболужичанъ, что я былъ глубоко тронутъ, тѣмъ болѣе, что ихъ національное положеніе у себя на родинѣ такъ похоже на наше въ Истріи, хотя мы и находимся въ лучшихъ условіяхъ.—„Ваша родина вблизи“, сказалъ Мука, когда мы бродили по морскому берегу, „скажу даже больше, передъ вами безконечно широкое, свободное море, благодаря чему васъ не уничтожитъ никакая сила. Мы же окружены врагами, которые властвуютъ надъ нами вѣка, такъ что Лужица представляетъ собой маленькій оазисъ безъ выхода. Но мы не сдаемся. Мы хотимъ жить и живемъ“.... Затѣмъ онъ изложилъ мнѣ свои планы, говорилъ о томъ, что у нихъ сдѣлано, и что они хотятъ дѣлать. Въ этомъ человѣкѣ я нашелъ столько жизненной энергіи и спокойствія, что онъ сталъ мнѣ безконечно дорогъ со времени первой встрѣчѣ съ нимъ. Его отли-

чительнымъ признакомъ служить необычайная энергія и темпераментъ, который рѣдко можно сыскать у славянина“...

Въ письмѣ, помѣщенномъ въ пражской газетѣ „Часъ“ д-ръ Іосифъ Моравецъ пишетъ: „Весной 1913 года получилъ я изъ Саксоніи письмо написанное по-чешски и съ чешскимъ адресомъ, авторъ котораго, д-ръ Мука, спрашивалъ меня о курортѣ „Велиховки“. Тогда я еще ничего не зналъ о немъ и только удивился тому, что чехъ могъ быть саксонскимъ „Studienrat’омъ“ и еще болѣе тому, что онъ попросилъ меня писать адресъ по-нѣмецки, чтобы письмо вѣрнѣе дошло. Изъ дальнѣйшей переписки я узналъ, что авторъ письма не чехъ, но только при личномъ знакомствѣ съ нимъ, когда онъ началъ лѣчиться въ „Велиховкахъ“ и сдѣлался моимъ паціентомъ, я узналъ, что онъ серболужичанинъ, горячій патріотъ, человѣкъ, уважающій чешскую націю и расположенный къ ней настолько, что даже его жена оказалась чешкой. Въ д-ръ Мука я нашелъ не только образованнаго, глубоко чувствующаго, простого и богато одареннаго человѣка, но глубоко убѣжденнаго, дѣятельнаго работника, человѣка гордаго своей національностью и твердаго характеромъ. Во время своей національной дѣятельности онъ приобрѣлъ себѣ достаточно враговъ, которые, хотя и безуспѣшно, пытались очернить его не только какъ серболужичанина, но и какъ славянина. Онъ былъ человѣкъ чести, прилежный работникъ, вполне отдававшійся своему ученому призванію, но несмотря на свою любовь къ серболужицкому народу, несмотря на то, что онъ былъ его постояннымъ защитникомъ, онъ никогда не былъ шовинистомъ и поэтому происки его враговъ всегда были безуспѣшны. Даже при министерствѣ народнаго просвѣщенія ему удалось, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ, попасть въ члены совѣта, несмотря на всѣ интриги. Я говорю это лишь для того, чтобы показать, что при каждомъ государственномъ устройствѣ, даже и въ Австріи, человѣкъ можетъ сдѣлать свою карьеру безъ интригъ, не измѣняя своимъ собственнымъ убѣжденіямъ и своей національности, и въ тоже время исполнять свой долгъ, если только у него хорошая голова на плечахъ и онъ обладаетъ твердымъ характеромъ“.

Однимъ изъ лучшихъ знатоковъ серболужицкаго народа среди чеховъ является, извѣстный писатель и публицистъ, лекторъ серболужицкаго языка въ пражскомъ университетѣ, Адольфъ Черни, редакторъ „Slovansky Prěhled“. Онъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей д-ра Муки и какъ разъ его дружба съ д-ромъ Мукой и другими серболужицкими патріотами, какъ Смолеръ, Горникъ, Бартъ-Тишинскій, Германъ, Андрицъ

кѣй и др., послужила къ тому, что онъ сдѣлался знатокомъ серболужицкаго народа и языка и обогатилъ лужицкую литературу своими статьями, а также способствовалъ распространенію свѣдѣній о лужицкихъ сербахъ въ Чехіи и между славянами. Еще въ юности редакторъ Черни, частью одинъ, частью вмѣстѣ съ д-ромъ Мукой сдѣлалъ пѣшкомъ нѣсколько путешествій по Лужичѣ. Его воспоминанія объ этомъ времени изложены имъ частью подъ заглавіемъ „Lužické Obrázky“ въ 49 томикѣ „Кабинетной библиотеки“, (Шимачекъ Прага 1890) частью въ библиотекѣ „Матице лиду“ (томъ XXVIII, Прага, 1894) подъ заглавіемъ „Různé listy o Lužici“.

Въ этихъ воспоминаніяхъ онъ часто говоритъ о д-рѣ Мука, какъ о своемъ лучшемъ другѣ среди серболужичанъ. Но особенное вниманіе удѣлилъ Черни своему другу въ день его 60-лѣтняго юбилея, когда писалъ о д-рѣ Мукѣ въ пражской газетѣ „Часъ“ (Feuilleton № 71) подъ заглавіемъ „Другъ серболужичанъ“ слѣдующее: „Мы лично встрѣтились въ первый разъ 3-го Августа 1886 года. Въ этотъ день я отправился съ Михаиломъ Горникомъ, Вильгемомъ Богуславскимъ, его дочерью Вандой и съ молодымъ Яномъ Э. Смолеремъ въ Помеорицы, откуда мы поднялись на „Чернобогъ“. Когда мы собирались на будышинскомъ вокзалѣ сѣсть въ поѣздъ, изъ другого поѣзда вышелъ полный человекъ съ окладистой бородой и живыми карими глазами, блестящими изъ подъ золотыхъ очковъ. Горникъ задержалъ его—это былъ Мука. Послѣ того, какъ мы были представлены другъ другу, онъ присоединился къ намъ и мы поѣхали вмѣстѣ. Мнѣ казалось очень страннымъ, что кромѣ обычнаго привѣтствія и фразы „очень пріятно“, онъ не нашелъ для меня болѣе ни одного слова, несмотря на то, что мы уже успѣли обмѣняться порядочнымъ количествомъ писемъ. Вскорѣ это стало для меня яснымъ. Во время путешествія Мука спросилъ меня, откуда я ѣду. „Изъ Кёншгрена“. отвѣтилъ я, думая, что онъ не слышалъ моего имени. „А, у меня тамъ есть пріятель, съ которымъ я переписываюсь—замѣтилъ Мука,—его имя—Черни“. Я шутиливо спросилъ его: „Адольфъ?“. „Вы знаете его?“—„Какъ себя самого“. Озадаченный Мука посмотрѣлъ на меня и робко добавилъ: „Но у моего друга очень длинные волосы“, и при этомъ показалъ на свои плечи, чтобы я имѣлъ сужденіе о длинѣ волосъ его друга.

„—У него ихъ больше нѣтъ“, разсмѣялся я, и Мука бурно обнялъ меня и прижалъ къ себѣ такъ, что мои кости чуть не затрещали. Такъ мы познакомились другъ съ другомъ, и стали съ этихъ поръ

словно братья. Спусти недѣлю я посѣтилъ его въ его родномъ домѣ въ Вулкомъ Восыкѣ (Гросгенхенъ) и познакомился тамъ съ его матерью, братьями и сестрами, которые занимались сельскимъ хозяйствомъ, и съ сестрой Альмой. Я проникъ въ обстановку, въ которой Мука выросъ и его характеръ сдѣлался для меня болѣе яснымъ. Я узналъ, что онъ ученый крестьянскій сынъ, крѣпко привязанный, несмотря на всю свою ученость, къ родной серболужицкой почвѣ. И какимъ онъ былъ тогда, такимъ онъ и остался теперь. Здоровье, любовь къ жизни, постоянство лужичанина-крестьянина вмѣстѣ съ его консерватизмомъ и терпимостью—вотъ отличительныя черты Муки. Характерно для него также и то, что въ числѣ его многочисленныхъ друзей находятся не только представители серболужицкой интеллигенціи, но и представители простого крестьянства какъ Верхней такъ Нижней Лужицы.

Такъ кажется, что онъ совсѣмъ и не отдѣлялся отъ родного ему крестьянства. Въ средѣ интеллигенціи у него есть друзья изъ обонхъ лагерей и изъ католическаго и изъ протестантскаго. Будучи самъ лютераниномъ, онъ находился въ тѣсной дружбѣ съ католическимъ духовенствомъ, какъ Горникъ и Германъ, а также съ молодыми Тишинскимъ и Андрицкимъ. Хотя онъ никогда и не былъ сторонникомъ „Sturm und Drang'a“, онъ былъ постояннымъ почитателемъ и покровителемъ пламеннаго Тишинскаго, и прогрессивнаго радикала Андрицкаго, которому онъ передалъ редакторство „Лужицы“. Не лишено интереса также и то, что онъ принялъ на себя изданіе полнаго собранія сочиненій поэта Андрея Зейлера. Каковъ Зейлеръ въ своихъ стихахъ, и каковъ въ нихъ серболужицкій народъ—таковъ и Мука. Поэтому его можно назвать посредникомъ между болѣе старымъ поколѣніемъ серболужицкой интеллигенціи, представителемъ котораго является Зейлеръ, и болѣе молодымъ, вождемъ котораго былъ сначала Тишинскій, а затѣмъ Андрицкій.

Его характеръ я хорошо узналъ во время нашихъ общихъ путешествій по Лужицѣ и только благодаря ему эти поѣздки были возможны. Это человекъ общества, живой и веселый и въ то же время спокойный и сдержанный. Нѣсколько разъ въ продолженіе многихъ лѣтъ мы бродили по Лужицѣ пѣшкомъ, но никогда его общество не становилось мнѣ въ тягость. Иногда наши возрѣнія бывали противоположны, но никогда мы съ нимъ не ссорились и не становились врагами. Въ этихъ путешествіяхъ я оцѣнилъ д-ра Муку также, какъ наблюдателя. Даже въ обыкновенномъ разговорѣ съ простонародьемъ въ какой-нибудь гостиницѣ его карандашъ не зналъ отдыха. Онъ записывалъ всѣ

формы словъ, обороты рѣчи, цѣлыя обрывки разговоровъ, замѣчалъ народныя воззрѣнія, записывалъ пѣсни, однимъ словомъ собиралъ все, что являлось интереснымъ для фольклора. Здѣсь можно понять обиліе матеріаловъ, которые заключены въ его собраніяхъ пѣсни, представляющія изъ себя какъ бы прошлое его наблюденій. Лишь живость, неутомимость и спокойствіе д-ра Муки могутъ намъ объяснить происхожденіе его „Статистики“. У другого человѣка врядъ ли бы хватило бы терпѣнія проникать во всѣ дома и дѣлать необходимыя справки даже у ренегатовъ и нѣмцевъ. Сколько непріятностей и препятствій выпало на долю д-ра Мука при этой работѣ, знаетъ Адольфъ Парчевскій, который странствовалъ вмѣстѣ съ нимъ во время собиранія матеріаловъ для „Статистики“, знаю и я, хотя Мука уже заканчивалъ тогда свой трудъ. Поэтому всегда беру его „Статистику“ въ руки съ уваженіемъ, какъ и его „Нижнесербскую грамматику. Обѣ работы были выполнены имъ безъ всякихъ предшественниковъ и та масса матеріаловъ, съ которой онъ имѣлъ дѣло, и работа, которую ему пришлось надъ ними продѣлать—заслуживаютъ всяческаго уваженія. Его напряженная дѣятельность вытекала также изъ его характера. Такъ какъ онъ стоялъ въ самой гущѣ серболужицкой народной жизни, онъ ни на минуту не оставался сухимъ ученымъ, но его сердце билось однимъ ладомъ съ ней. Самъ строгій филологъ, онъ постоянно занимался серболужицкой литературой. Долгіе годы онъ редактировалъ научный „Часопись Матицы Сербской“ и беллетристическую „Лужицу“, своими собственными средствами онъ помогалъ изданію стихотвореній Тишинскаго, былъ инициаторомъ изданія полнаго собранія сочиненій Зейлера, переводилъ пьесы и рассказы для народа, устраивалъ библіотеки и т. д. Изъ его научныхъ интересовъ вполне понятны его заботы по устройству этнографической секціи при выставкѣ въ Дрезденѣ въ 1896 году, гдѣ онъ положилъ начало историческому и этнографическому серболужицкому музею, его старанія по собранію средствъ для новаго „Матичнаго Дома“ въ Будишинѣ. Но это было создано не только его научными интересами, но и его живымъ чувствомъ связи съ серболужицкимъ народомъ. Безъ него ему бы не удалось выполнить все то, что онъ сдѣлалъ. Поэтому понятно, что въ 70 лѣтъ онъ былъ основателемъ студенческаго журнала „Липа Сербска“, инициаторомъ студенческаго конгресса и до сихъ поръ пользуется большимъ вліяніемъ у молодежи, будучи ея лучшимъ другомъ.

Поэтому такъ и велико его значеніе для Лужицы, велико потому, что онъ сумѣлъ, кромѣ своей научной работы, сохранить живую связь съ народной жизнью и при своемъ консерватизмѣ сохранилъ въ себѣ отзывчивость на всякія новыя теченія среди молодежи“...

Что-же именно сдѣлалъ Мука для серболужичанъ? Его величайшее значеніе заключается въ томъ, что онъ способствовалъ всѣмъ задачамъ и цѣлямъ, которыя поставила себѣ „Матица Сербска“. Основана она была въ 1847 году, благодаря ходатайству адвоката, статскаго совѣтника д-ра Адольфа Клина, цѣлымъ рядомъ патріотовъ, во главѣ которыхъ стояли д-ръ Клинь, Смолеръ, Якубъ, Кучангъ, Имишь Гашка, Зейлеръ, Перуль и многіе другіе. По уставу она исключала политическіе и религіозные вопросы; являясь центральной институціей серболужицкаго народа, она обращала главное вниманіе на духовныя и научныя потребности серболужичанъ. Общество не исключало полезныя для народа въ смыслѣ образованія и познанія взаимоотношенія съ другими славянскими народами. Для достиженія этого лучшими средствами было признано: изданіе научнаго журнала, распространеніе книгъ среди народа и ежегодныя собранія. Такъ начиная съ 1847 года каждый годъ по средамъ послѣ Пасхи собираются съѣзды, называемые „Нѣowne zhromadźizny Maćicy Serbskeje“, превратившіеся затѣмъ въ національные праздники.

Реакція, наступившая послѣ революціи 1848-49 г., не оказала никакого вліянія на дальнѣйшую дѣятельность Матицы Сербской и другихъ лужицкихъ кружковъ; ихъ цѣль состояла въ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей, усовершенствованія въ музыкѣ и сельскомъ хозяйствѣ. Въ 1863 году изъ Матицы Сербской выдѣлились два значительныхъ союза, взявшихъ на себя большую часть ея задачъ; это былъ серболужицкій лютеранскій книжный союзъ (Serbske lutherske knihowe towařstwo) и католическій союзъ святыхъ Кирилла и Меѳодія (Towařstwo svjateju Cyrilla a Methoda.) ими стали издаваться книги, календари и газеты для народа. Въ этомъ же году Янъ Эрнестъ Смолеръ и Пехъ организовали въ Будышинѣ сербо-славянское книгоиздательство, которое выпустило цѣлый рядъ изданій, посвященныхъ славянству: „Slavische Jahrbücher“ (1848), Zeitschriften für Havische Literatur, Kunst und Wissenschaft, „Centralblätter für slavische Literatur und Bibliographie“.

Въ основѣ дѣятельности Михаила Горника также лежитъ славянская подкладка и это отразилось въ его „Лужичанинѣ“, гдѣ онъ помѣщать постоянные обзоры, посвященные славянству.

Великій патріотъ Янъ Эрнестъ Смолеръ еще съ 1856 г. собирался выстроить для Матицы Сербской собственный домъ. При этомъ онъ надѣялся на поддержку другихъ славянъ, въ особенности русскихъ. Съ

этой цѣлью онъ ѣздилъ нѣсколько разъ въ Москву, сначала въ 1867 г. на Славянскій Конгрессъ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ д-ромъ Дучманомъ былъ представителемъ лужицкаго народа. Въ 1873 году Смолеръ купилъ въ Будышинѣ на собственный рискъ домъ у бюргера Фёрстера, надѣясь въ скоромъ времени уплатить деньги. Но послѣ вторичной поѣздки въ Россію онъ убѣдился, что надежды на поддержку другихъ славянъ оказались напрасными. Общанія, данныя мѣстными богатыми москвичами, были исполнены отчасти только однимъ Башмаковымъ. Со смертью же владѣльца домомъ Фёрстера и вслѣдствіе упадка Башмакова „Матица Сербска“, принявшая на себя обязательства по покупке дома, оказалась въ очень затруднительномъ положеніи; кризисъ миновалъ уже послѣ смерти Смолера, послѣдовавшей 13 Іюня 1884 года.

Послѣ Смолера Горникъ сталъ руководить Матицей Сербской и издавалъ „Часопись М. С.“ Имъ была обработана „Исторія серболужицкаго народа“, написанная В. Богуславскимъ на польскомъ языкѣ, и въ сотрудничествѣ съ Лунчанскимъ сдѣланъ переводъ Новаго Завѣта. Подъ редакціей Горника „Часопись Мат. Серб.“ достигаетъ своего высшаго расцвѣта. Къ несчастью ранняя смерть (22-го Февраля 1894 г.) поразившая сердца всѣхъ лужичанъ, прекратила его плодотворную дѣятельность. Хотя послѣ смерти Горника предсѣдателемъ Матицы были выбраны: священникъ д-ръ философіи Калихъ (1894—95) и каноникъ-схоластикъ Юрій Лусчанскій, (впослѣдствіи ставшій саксонскимъ епископомъ) (1895—1903), то духовное руководство союзомъ естественнымъ образомъ перешло къ нашему ученому д-ру Муку; съ этого же времени онъ сдѣлался редакторомъ „Часописа Мат. Серб.“.

Муку, какъ редактору пришлось писать большую часть статей и вести корректуру всѣхъ издаваемыхъ Матицей Сербской трудовъ.

До этого времени лужицкіе писатели безвозмездно работали на пользу родной литературы, Мука же устроилъ при союзѣ на средства Князя Анатоля Евгеніевича Гагарина фондъ, изъ котораго выдаетъ награды за сочиненія на предложенныя темы.

Всѣ свои силы и способности Мука отдалъ задачѣ, которую поставила себѣ Матица Сербска съ самаго своего основанія, а именно: приобрѣтеніе въ Будышинѣ собственнаго дома, который бы соотвѣтствовалъ потребностямъ союза.

Воззваніями и распространеніемъ летучихъ листковъ среди серболужицкаго народа Муку удалось возбудить интересъ среди широкихъ

слоевъ населенія къ общему важному дѣлу. По его инициативѣ и руководству лужичане приняли участие въ дрезденской выставкѣ 1896 года, такъ что серболужицкій павильонъ далъ въ пользу Матицы Сербской 3 тысячи марокъ чистаго дохода. Собранные же для выставки предметы павильона пошли уже въ 1900 г. на организацію этнографическаго и историческаго музея, такъ какъ, благодаря стараніямъ д-ра Муки и совмѣстнымъ усиліямъ серболужицкихъ патріотовъ 21-го Апрѣля 1897 г. въ 50 годовщину основанія Матицы Сербской былъ заложенъ первый камень новаго дома.

Уже черезъ три года первая его половина была приспособлена для своего назначенія. Вторая половина была готова только къ 1904 г. и 26-го Сентября того же года „Сербскій Домъ,“ какъ его назвали, торжественно открытъ. При открытіи пасторъ Мартинъ Домашка въ своей рѣчи отмѣтилъ заслуги Смолера, Горника и Муки. Онъ справедливо назвалъ д-ра Муки національнымъ „Spiritus rector“, руководителемъ всякаго національнаго предпріятія. лужицкимъ Блюхеромъ, маршаломъ „Vorwärts“ и т. д. И на самомъ дѣлѣ безъ энергичной дѣятельности Мука, безъ сбора денегъ среди лужичанъ и другихъ славянъ, безъ постоянного призыва къ совмѣстной работѣ, едва ли удалось бы положить основаніе этого монументальнаго строенія, которое даже нѣмецкій бюргемейстеръ Будишина назвалъ украшеніемъ города. Для серболужичанъ же Сербскій Домъ является центромъ культурной жизни и дѣятельности страны. Въ немъ находится типографія и книгоиздательство, національный музей, хотя и скромныхъ размѣровъ, обширная библіотека Матицы Сербской; для торжественныхъ случаевъ имѣется прекрасный залъ украшенный портретами выдающихся серболужицкихъ патріотовъ, гдѣ устраиваются концерты и спектакли.

Такимъ образомъ къ концу XX вѣка сбылись желанія Матицы Сербской и въ этомъ дѣлѣ необходимо принести глубочайшую благодарность нашему юбиляру д-ру Муку.

Къ 50 лѣтнему юбилею Матицы Сербской (1897 г.) Мука издалъ въ отдѣльной брошюрѣ (*Sapiski Maćicy Serbskeje we Budyšinje, 1847—1897*) исторію Матицы Сербской. Изъ нея ясно видно, что союзъ выполнилъ свою задачу по отношенію къ лужицкой литературѣ, исторіи, языковѣднью, народовѣднью, музыкѣ и т. д. и т. д. Имъ были изданы за 50 лѣтъ 104 книги различнаго содержанія для народа и распространены приблизительно въ количествѣ 300 тысячъ экземпляровъ среди лужичанъ. Нѣкоторыя изъ нихъ выдержали по 3 и 4 изданія.

Кромѣ литературныхъ и научныхъ сочиненій, Матица Сербска снабжала народныя школы лужицкими книжками для чтенія, учебными пособіями и книгами по священной исторіи, конечно, поскольку допускалось ея участіе въ школьномъ образованіи серболужицкаго народа.

Для литературныхъ надобностей Матица Сербска выдала 86 тысячъ марокъ, такъ что для покупки Смолеромъ домика потребовался заемъ въ 60 тысячъ, который удалось выплатить лишь черезъ 25 лѣтъ. Но лучшимъ плодомъ дѣятельности Матицы является „Часописъ“ (Časopis) до юбилейнаго года (1897) вышедшій въ 95 выпускахъ. Имъ было установлено единообразіе орфографіи лужицкаго языка, такъ какъ до этого существовало различіе въ правописаніи отдѣльныхъ журналовъ. Благодаря „Часопису“ же удалось лужичанамъ установить прочную связь съ другими славянскими народами. „Часописъ“ издавался въ количествѣ 250—450 экземпляровъ, а потому поэтическія произведенія и труды по фольклору, научныя статьи и очерки пришлось выпускать отдѣльными изданіями. Въ особенности много жертвъ стоило Матицѣ Сербской издаваніе лужицко-нѣмецкаго словаря д-ра Перула и приобрѣтеніе нѣсколькихъ тысячъ книгъ для бібліотеки Матицы Сербской.

Значеніе общихъ ежегодныхъ собраній Матицы Сербской, въ которыхъ принимали участіе самыя извѣстныя и выдающіеся дѣятели Лужицы, видно изъ секцій, образовавшихся съ теченіемъ времени при Матицѣ Сербской съ цѣлью распредѣленія огромной работы согласно установленной программѣ. Были основаны секціи: для изслѣдованія языка (1853-54), древностей (1856), народовѣдѣнія (1857), литературы (1858), учебнаго дѣла (1868), секція по Нижней Лужицѣ (1880), по этнографіи (1895), музыкѣ (1897). Результаты научной работы каждой изъ нихъ помѣщаются въ „Часопису М. С.“

Таково въ краткихъ словахъ значеніе и исторія Матицы Сербской и за послѣднее 10 лѣтіе остававшейся вѣрной девизу „Во славу Бога. лужичанамъ же на пользу и благоденствіе“ („Bohu k česći, serbam k wužitku.“)

Что касается Эрнеста Мука, то онъ не ограничился умственной работой, но принесъ много жертвъ для поддержанія союза и собиранія средствъ. Кромѣ ежегодныхъ взносовъ и сборовъ среди серболужичанъ и другихъ славянъ, онъ перевелъ на имя „Сербскаго Дома“ свой страховой полисъ въ 5 тысячъ марокъ. Такимъ образомъ долгъ въ 221

тысячъ, лежавшій на Матицѣ Сербской, ежегодно погашался на нѣсколько тысячъ. И, конечно, неслегка было подобными сборами и взносами уменьшить долгъ на 150 тысячъ, какъ это обстоитъ теперь. Какъ только правленію не придется больше зависѣть отъ суммы 13,235 марокъ ежегоднаго найма за помѣщенія, большая часть Сербскаго Дома будетъ превращена въ интернатъ для недостаточныхъ лужицкихъ учениковъ. —

Неоцѣнимыя услуги оказалъ Мука и серболужицкой литературѣ. онъ издавалъ лучшія литературныя произведенія частью на средства Матицы Сербской и своихъ друзей-меценатовъ главнымъ же образомъ на свой собственный счетъ. Имъ были изданы слѣдующіе труды: работа А. Черни по мифологіи лужичанъ („Mythtske bytosće lužiskich Serbow“ Budyšin I. 1893, II. 1898), его же „Исторія лужицкой поэзіи“ („Stawizny basnistwa hornjołužiskich Serbow“ Budyšin 1910.), большой сборникъ лужицкихъ пословицъ и поговорокъ (9216 №№) Яна Радысерба-Веллы (I. Přisłowa u wusłowa hornjołužiskich Serbow.“ Budyšin 1902) (II. „Metaforiske hrona hocinjołužiskich Serbow.“ Budyšin (1905) стихи Яня Вальтера (Jan Wattař: „Za dušu a wutrobu.“) сборникъ стихотвореній Миля Имишовой (Mila Imisova Budysin 1897). Вънцомъ всего являются 14 сборниковъ знаменитаго лужицкаго поэта Якуба Барта-Тишинскаго. Чтобы выказать свою любовь и уваженіе къ другу юности, Мука издалъ собранія сочиненій Тишинскаго частью на свой собственный счетъ, частью, на счетъ Яна, Смолера, Адольфа Черни и каноника Якуба Германа, Матицы Сербской. Теперь эти новые памятники лужицкой литературы уже выпущены и являются лучшими образцами національной поэзіи. Написаны они на прекрасномъ лужицкомъ языкѣ.

Благодаря неутомимой работѣ нашего юбиляра скоро появятся въ печати до сихъ поръ неизвѣстные памятники. разрозненные по стариннымъ хроникамъ и книгамъ, а именно: 1) Mag. Albinus Mollerus: Wendisches Gesangbuch und kleiner Katechismus v. 1574.

2) Andreas Tharanes, Enchiridion Vandalicum abó Handrija Tarymaty Katechismus z lěta 1610.

3) Wolfenbüttelski psaltar z lěta 1575.

4) Wótsowasski rukopis z lěta 1615. Duchowne Kjarližě a kolekty a modlitwy na cyłe lěto.

Кромѣ того Мука собираетъ еще съ 1909 года фамиліи и названія мѣстностей уже онѣмеченной Нижней Лужицы. Весь матеріалъ будетъ изданъ въ обширномъ трудѣ, который долженъ служить вкладомъ въ исторію Нижнелужицкаго края.

Особенно большое стараніе и трудъ приложилъ нашъ юбиляръ въ продолженіи 10 лѣтъ на составленіе большого нижне-лужицкаго словаря „Thesaurus linguae Lusatae inferioris sorabicae“, готовый къ печати уже въ 1909 г. Изданіе словаря взяла на себя Россійская Императорская Академія Наукъ; съ 1912 года было напечатано 42 листа и остальные пока еще только набраны. Вся книга состоитъ не менѣе, чѣмъ изъ 100 листовъ и содержитъ всѣ различія между говорами лужицкаго языка, со включеніемъ верхне-лужицкихъ выраженій и нѣмецкихъ и русскихъ значеній. Такъ какъ за основу берется старо-славянскій языкъ, то словарь является сравнительнымъ для всѣхъ западно-славянскихъ нарѣчій.

Работа эта на ряду съ вышеупомянутой „Статистикой“ и „Исторической грамматикой“ можетъ справедливо считаться капитальнѣйшимъ ученымъ сочиненіемъ. Мука показалъ себя настолько крупнымъ изслѣдователемъ, что его заслуги оцѣнила русская Императорская Академія Наукъ, принявъ 10-го Января этого года въ число своихъ членовъ.

Такой уже чести удостоился д-ръ Мука и отъ чешской „Академіи Наукъ Императора Франца Іосифа въ Прагѣ“, польской „Акад. Наукъ въ Краковѣ“ (1894), югославянской „Академіи въ Загребѣ“ (1898), Королевской Сербской Академіи въ Бѣлградѣ (1903); кромѣ того онъ былъ избранъ членомъ трехъ ученыхъ обществъ: „Императорскаго Общества Любителей древней письменности“ (предсѣдатель Графъ Сергій Димитріевичъ Шереметевъ), „Kralevské české společnosti vědomosti v Praze“ и „Верхнелужицкаго ученаго Общества въ Герлицѣ“ (Oberlausitzer Gesellschaft der Wissenschaften in Görlitz.)

Почетнымъ членомъ избрали д-ра Мука „Матица Сербска въ Будишинѣ“ („Maćica Serbska w Budyšinje“), „Matice Srpska u Novom-Sadu“, союзъ лужицкихъ проповѣдниковъ, „Lužiskoserbske prědařske towarstwo „Sorabija“ we Lipsku“—въ Лейпцигѣ, лужицкій союзъ Чернобогъ въ Дрезденѣ, „Serbske towarstwo „Čornobóh“ we Drjéždžanach.“—

Въ 1900 г. нашъ ученый былъ награжденъ русскимъ орденомъ св. Станислава 3 ст., въ 1901 королевскимъ сербскимъ орденомъ св.

(аввы (4 и III ст.), а въ 1904 г. черногорскимъ орденомъ Данила З ст. (ernogorski komanderski red Danila). Если полученныя отличія являются справедливой наградой за ученые труды д-ра Мука, то огромное число поздравленій въ день 60-ти лѣтія ясно показываетъ, какъ любимъ Мука за свои внутреннія душевныя качества. Со всѣхъ концовъ свѣта были присланы телеграммы и болѣе 150 адресовъ, писемъ и карточекъ; изъ нихъ назовемъ лишь немногія: изъ Россіи юбиляръ получилъ поздравленіе отъ Императорской Академіи Наукъ, отъ Графа Сергія Димитріевича Шереметева и Князя Анатолія Евгеніевича Гагарина, изъ Варшавы отъ проф. Владиміра Францева, изъ Ниж.—Новгорода отъ проф. Ржига,—отъ германскаго посланника въ Тегеранѣ, Принца Генриха XXXI Рейсскаго, своего бывшаго воспитанника, какъ и отъ другихъ своихъ бывшихъ учениковъ, и отъ коллегъ гимназіи „Альбертинумъ“ въ Фрейбергѣ, которые вспомнили его съ любовью и признательностью, поздравивъ въ день его чествованія.

Вполнѣ понятно, что празднованіе торжественнаго юбилея нашего лужицкаго патріота нашло сердечный откликъ во всей Лужицѣ. Этому радостному событію были посвящены статьи во всѣхъ поминутыхъ газетахъ и журналахъ. Пасторъ Мартинъ Урбанъ отъ имени всѣхъ серболужичанъ привѣтствовалъ юбиляра стихотвореніемъ, помѣщеннымъ въ „Лужицѣ“, ко дню празднованія 60-ти лѣтія знаменитаго, заслуженнаго, высокоцѣнимаго, вѣрнаго друга, неутомимаго защитника и предводителя лужичанъ: господина совѣтника и проректора, профессора Эрнеста Мука, кавалера высокихъ орденовъ, въ Фрейбергѣ, 10 Марта 1914 года.

И. Я. Брюль-Сербинъ.

